

CRYPTOFICTION
CLASSICS

Running Wolf

ALGERNON BLACKWOOD

Алджернон Блэквуд "Бегущий волк"

Algernon Blackwood — Rączy Wilk (Running Wolf)

Тот, кому было дано столкнуться с приключением, выходящим за обычные человеческие представления, и кто захочет рассказать об этом другим, не должен быть удивлен, если его примут за лжеца или глупца, как это произошло с Малькольмом Хайдом, отель администратором в отпуске. Вместе с тем слово "столкнулся" не является точным определением, он сам использовал бы слово "пережил".

Running Wolf

Когда он впервые увидел Мэджик-Лэйк среди девственных канадских лесов, его поразила молчаливая, мерцающая красота, затем – абсолютная пустота кругом, и наконец, много позже, благодаря тому, что тут произошло его необычное приключение – он узнал, то красота и пустота сплетаются тут с удивительными вещами.

- Кишит рыба, - утверждал Мортон из Монреальского спортивного клуба. – Поедь туда на отдых. От Маттау в горы, каких-то 15 миль к западу от Стоуни-Крик. Будешь там один одинешенек, не считая старого индейца, который сидит в своей хижине. Вот если я могу тебе дать совет, то лучше разбей лагерь на восточном берегу.

Он еще полчаса расхваливал преимущества лова. Впрочем, как отметил Хайд, он ловко уклонялся от ответов, а иногда путался. Если это был такой рай, как описывал Мортон, то почему он там пробыл только три дня?

"Кончилась еда", - звучало объяснение. Но второму приятелю он сказал так: "Мухи", а третьему, как позднее узнал Хайд, сказал, что уехал из-за болезни своего Метиса, что вынудило их вернуться в лоно цивилизации.

Хайд однако не забивал себе голову его объяснениями, о них он стал думать позже.

"Рыба кишит", - это утверждение было ему по вкусу.

Он поехал поездом до Маттау, дополнил экипировку в Стоуни Крик. Оттуда предпринял 15-мильное путешествие на лодке, свободный от всяких забот. Переправы прошли без сучка и задоринки, у путешественника было немного багажа. Вода несла лодку быстро и легко, пороги суденышко проходило без труда. Все шло как по маслу. Время от времени он видел рыб, уходящих

вглубь. Он очень хотел задержаться, но сумел преодолеть искусы. Его окружал фантастический мир лесов, которые раскинулись на сотни миль вокруг, которыми владели олени, медведи, лоси и волки, и по которым не ступала нога человека – безлюдная первозданная пуща. День был холодным. Вода журчала и искрилась. Небо было голубым и безоблачным. Все вокруг заливали потоки света. Под вечер Хайд прошел мимо старой бобровой хатки, обошел небольшой мыс и впервые увидел Мэджик-Лэйк.

Он поднял весло, с которого стекала вода. Лодка скользнула на спокойную гладь. Из раздувшейся от восхищения груди вырвался крик. Путешественник был прежде всего рыбаком, но чувствительным к красоте. Озеро имело форму полумесяца длиной мили четыре. Ширина составляла от полумили до мили. Оно было залито золотом косо падающих лучей заходящего солнца. Даже малейшее дуновение ветра не нарушало спокойствия кристальной поверхности озера. Оно лежало тут с предвечных времен, когда его создали боги краснокожих. И будет еще много лет, пока они не прикажут ему иссохнуть.

Высокие ели стояли собранные в небольшие группки на самом берегу озера. Величественные кедры склонялись, будто бы желая напиться. Алые сумахи выделялись пылающими пятнами. Клены мигали очаровывающими оранжевыми и красными красками. Воздух пьянил как вино. Он был тихим как сон.

Когда-то здесь "краснокожие" отправляли магические обряды с использованием диких ритуалов и племенных споконвечных обрядов. Но Хайд подумал скорее о Мортоне, чем о индейцах.

Если в этом потерянном раю и правда кишела рыба, то он много был должен Мортону за эту информацию. Его окружало спокойствие. В душе пульсировало возбуждение охотника.

Путешественник быстро осмотрелся вокруг наметанным глазом. Он хотел выбрать место для лагеря прежде, чем солнце уйдет за деревья, и начнутся сумерки.

Хижину индейца на восточном берегу, которую хорошо освещало солнце, он увидел сразу же. Однако густо растущие деревья затрудняли там установку палатки. Кроме того, Хайд не хотел иметь под боком обитателя этой хижины. На противоположном берегу его просто приглашала идеальная поляна. На

нее уже падали тени огромного леса, но притягивало открытое пространство. Он быстро подплыл к берегу и осмотрел понравившееся место. Он убедился, что земля твердая и сухая, а с холма течет маленький ручеек, впадающий в озеро. Устье ручья могло быть хорошим местом для забрасывания удочки. Место было хорошо укрыто. Его скрывали несколько склонившихся верб.

Человек, умеющий разбивать лагерь, решения принимает быстро.

Это было отличное место. Парочка старых кострищ доказывало, что не он один так считал.

Но его прекрасное настроение было подпорчено. Он достал сумки из лодки, приготовился к разбивке палатки. И вдруг вспомнил мелочь, которая сидела в его подсознании – совет Мортонна. Не только Мортонна, продавец в Стоуни-Крик посоветовал тоже. Огромный мужик с редкими усами и сгорбленными плечами, одетый в рубаху и штаны, к бекону, муке, сгущенке и сахару добавил одно единственное предложение. Он повторил полузабытые слова Мортонна.

- Разбивайте лагерь на восточном берегу. Я бы только так и поступил, - сказал продавец на прощание.

Скорее всего, он помнил и Мортонна.

- Невысокий тип с бронзовой кожей, как у индейца, сильно пахнущий лесом. Путешествует с метисом Джеком.

- Наверное, это был Мортон.

- В последний раз он ведь не пробыл здесь долго? – задумчиво спросил он. – Вы едете на Ветряное озеро или на Десятимильную воду?

- На Мэджик-Лэйк.

- Правда? – спросил продавец. Он будто бы сомневался в правдивости ответа по каким-то одному ему ведомым причинам. Он задумчиво гладил свои усики. – Правда, сейчас? – повторил он. После длительной паузы он добавил последние слова. Это был совет, на каком берегу разбить лагерь.

Все это Хайд неожиданно вспомнил, почувствовав разочарование и раздражение. Если два опытных человека советуют тебе одно и то же, от их совета не стоит отмахиваться. Он пожалел, что не расспросил продавца.

Путешественник осматривался, думал, колебался. Несомненно, выбранное им место было на запретном берегу.

Он подумал: "Что же, черт возьми, свидетельствует против этого берега?"

Но становилось темно, приходилось быстро решать либо, либо. Он посмотрел на распакованные вещи, на частично установленную палатку и принял решение. Путешественник бормотал что-то, отсылая Мортон и продавца в не самые приятные места.

- У них должны были быть какие-то причины, - пробормотал мужчина.- Такие парни обычно знают, что говорят. Наверное, будет лучше, если переберусь на другой берег, во всяком случае, на ночь.

Прежде, чем он начал собирать вещи в лодку, путешественник посмотрел на другой берег. Над избушкой индейца не поднимался дым. Не было видно следов лодки. Он сделал вывод, что абориген в отъезде.

Путешественник медленно оставил уютное местечко и погреб через озеро. Через полчаса палатка была поставлена, дрова для костра собраны и сложены, а на ужин были словлены две небольшие форели. Но большая рыба, он был в этом уверен, ждала его на другой стороне озера, возле устья ручейка. Лежа на своем ложе из пахучих ветвей, он думал, почему он не послушался своего мнения, и уплыл оттуда. Мужчина спал, как убитый. Когда проснулся, Солнце было уже высоко. Утро принесло совсем другое настроение. Сияющее солнце, спокойствие, упоительный воздух отогнали все призраки. Он не мог поверить, что выказал такую слабость накануне вечером. Все страхи и беспокойства ушли.

После завтрака он сложил палатку, переплыл через озеро и разбил лагерь на запретном берегу. Так он с иронической усмешкой назвал это место. Чем больше он узнавал это место, тем больше оно ему нравилось. Дров здесь было в избытке, проточная питьевая воды, открытое пространство вокруг палатки и ни одной мухи. Улов был также хорошим.

Сообщение Мортон оказалось верным, и высказывание "кишит рыба" соответствовало действительности. В обед он вздремнул, а затем прошелся по зарослям, которые раскинулись позади его лагеря. Не обнаружил ничего необычного.

Он искупался в холодном глубоком озерце, наслаждаясь этим маленьким безлюдным раем. Рай был действительно безлюдным, и это добавляло ему обаяния. Неподвижность, спокойствие, уединение этого прекрасного лесного озера захватывали дух. Царила божественная тишина. Хайд был полностью удовлетворен.

Под вечер он выпил чаю и пошел побродить вдоль берега, высматривая признаки выплывания рыб на поверхность озера. Слабые всплески и продолговатые тени обещали многое. Всплески становились чаще, когда большие рыбыны в погоне за едой появлялись на поверхности и вновь уходили в глубину.

Он быстро вернулся в лагерь, а через 10 минут осторожно плыл в лодке с удочками. Улов был прекрасен. Количество форели на дне лодки росло стремительно. Несмотря на то, что становилось поздно, он не мог сказать себе "хватит". "Еще одну", - думал он, - "и закончу". Поймал "еще одного", но когда снимал рыбу с крючка, глубокая тишина этого удивительного вечера была нарушена.

Хайд вдруг понял, что кто-то за ним наблюдает. Ему показалось, что из тени на него внимательно смотрит кто-то чужой.

По крайней мере, именно так он объяснил испорченное настроение. Он просто напросто что-то почувствовал. Чувство это пришло вдруг, без каких-либо видимых причин. Он был не один. Большая и скользкая форель выскочила у него из рук. Хайд замер, смотря ей вслед.

Ничто нигде не шевелилось. Круги на воде разгладились. Ветер стих. Лес стоял плотной стеной. Желтое небо, быстро темневшее, поблескивало, затрудняя оценку расстояния. Ни одного звука, ни одного движения, никого вокруг. Но он знал, что кто-то за ним наблюдает, и рыбак почувствовал страх. Нос лодки был повернут к берегу. Подчиняясь инстинкту, он стремительно развернул лодку и поплыл к глубокой воде. Также инстинктивно он понял, что наблюдатель притаился неподалеку, прямо на берегу. Но где? Был ли это индеец?

Здесь на глубокой воде в 20 ярдах от берега, путешественник задержал лодку, вслушиваясь и всматриваясь. Он пытался отыскать ключ к загадке. Когда предчувствие ушло, мужчине стало стыдно. Но уверенность осталась. Хотя это было почти абсурдно, он физически ощущал, что кто-то очень

внимательно наблюдает за ним. Он чувствовал это каждой клеточкой своего тела. Хотя рыбак не мог увидеть никого нового на берегу, он мог под присягой указать, в каких зарослях скрывается наблюдатель. Что-то привлекло его внимание именно к этим кустам.

Вода медленно стекала с весла лежавшего поперек лавки. Больше ничто не нарушало тишину.

На поляне маячила его палатка. Показалась одна звезда, затем вторая. Мужчина ждал. Ничего не происходило. Потом чувство исчезло так же неожиданно, как и появилось. Он знал – наблюдатель ушел. Это было разворот потока, так же быстро. Мир вернулся в свое нормальное состояние. Пейзаж выглядел как комната, из которой все ушли.

Неприятное чувство исчезло, и он незамедлительно приплыл к берегу. Мужчина с веслом в руке осмотрел заросли верб, которые он считал укрытием наблюдателя. Конечно, никого там не было. Не было и малейшего следа присутствия другого человека. Ни один лист, ни одна ветка не повреждены. Даже опытный взгляд не смог найти следов на земле. Но у путешественника была уверенность в том, что несколько минут назад здесь кто-то был. Затаился в гуще ветвей и наблюдал за ним. Он был в этом абсолютно уверен. Наблюдателем мог быть индеец, охотник, лесоруб или бродяга-метис. Сейчас поиски были бы бесполезны – темнота быстро сгущалась.

Рыбак вернулся в свой небольшой лагерь, расстроенный сильнее, чем он готов был признать. Он приготовил ужин, развесил улов на веревке так, чтобы никакой хищник до него ночью не добрался, и попытался вернуть себе душевный покой перед тем, как отправился спать.

Бессознательно путешественник развел костер больше, чем обычно. Поймал себя натом, что, покуривая трубку, внимательно всматривается во тьму за

костром, и внимательно слушает, стараясь уловить самый тихий шелест. Хайд никогда еще не испытывал такого напряжения.

Человек, оказавшийся в таком месте и в таких обстоятельствах, не будет беспокоиться до тех пор, пока ощущение одиночества не достанет его, как объективная реальность. Уединение в лесном лагере обладает своим шармом, оно роскошно, дает ощущение успокоения, пока не подберется слишком близко. Оно состоит из многих факторов, не может поразить непосредственно, физически и заметно. Когда же подберется слишком близко, тогда легко можно проскочить незаметную грань между уединением и одиночеством. И хуже всего, если это произойдет ночью. Могут проснуться древние страхи. Может показаться, что уединение нарушено, и кто-то собирается напасть на тебя.

Как раз это и произошло с Хайдом. Всеобъемлющее ощущение уединения уступило место гораздо худшему чувству – он не сам, кто-то еще кроется в темноте. Это был непростой момент, потому что администратор отеля четко понимал свое положение. И понимание не приводило его в восторг. Он сидел, повернувшись спиной к горящим поленьям, отлично видимый объект на фоне огня, а вокруг него темнота леса стояла сплошной стеной. Он не видел ничего, что находилось бы вне маленького круга света, который отбрасывал его костер. Молчание вокруг напоминало тишину смерти. Не шелестел лист, ни плескались волны. Хайд сидел неподвижно, как колода. Потом его охватила уверенность, что наблюдатель вернулся и вновь уставился на него внимательным взглядом. При этом ничего не указывало на это. Он не слышал крадущихся шагов ни треску сломанной сухой ветки. Но обладатель этих внимательных глаз был близко, скорее всего, не дальше дюжины футов. Ощущение его близости было гнетущим. Рыбак не сомневался, что его бьет дрожь. Он явственно ощущал, что наблюдатель находится прямо напротив него, сразу за пределами круга света.

Несколько минут Хайд сидел неподвижно, без малейшего дрожания, но каждая мышца его тела была напряжена до предела. Безрезультатно он напрягал глаза, стараясь пронзить взглядом тьму. Добился только того, что стал хуже видеть из-за отблесков огня. Затем он осторожно и очень медленно сменил позицию, чтобы осмотреться под другим углом. Вдруг сердце дважды попыталось вырваться из грудной клетки, волосы на голове встали дыбом, холодная дрожь болезненно щипала позвоночник. В темноте прямо напротив себя он увидел две маленькие зеленые точки, которые наверняка были парой

глаз, но не принадлежали не индейцу, не охотнику, и никому из людей. Это глаза животного упрямо всматривались в него из ночи. Последствия этого утверждения были немедленными и естественными. Угроза, которую излучали эти глаза, пробудила предвечный страх миллионов охотников, умерших на протяжении многих веков. Инстинкт предков сработал у гостиничного администратора. Рука Хайда потянулась к оружию. Он почувствовал под пальцами железо топорика. Это вернуло путешественнику спокойствие.

В темноте был медведь или волк, привлеченный запахом рыбы, и пришедший, чтобы ее украсть. Инстинкт подсказал человеку, как нужно действовать в этом случае. Но инстинкт говорил ему, что у его страха был совсем иной источник.

- Сейчас я выясню, кто это! – заорал человек и достал из огня горящую ветку. Он старательно примерился и постарался достать ей горящие глаза зверя. Ветка упала, выбросив сноп искр, от которых стала тлеть трава неподалеку от зверя. Трава загорелась и тут же потухла. Но этой вспышки было достаточно, чтобы человек понял, кем был его не прошенный гость. Огромный серый волк, присев на задние лапы, упорно смотрел на человека сквозь огонь. Человек рассмотрел его лапы и шерсть, увидел и мощные стволы елей за ним, и заросли верб вокруг. Он видел перед собой живописную картину.

К его удивлению, волк не отвернулся и не убежал от головни, лишь отодвинулся на несколько ярдов, и снова стал смотреть на человека. Боже, как он смотрел!

Хайд пробовал отогнать зверя громкими криками – безрезультатно. Волк не вздрогнул.

Человек не стал переводить на волка второй ветки. Его страх уменьшился. Волк это волк, пусть себе сидит, сколько ему вздумается, если только он не будет лезть за рыбой.

Страх отступил. Хайд знал, что летом и осенью волки не представляют угрозы. Даже зимой, когда они сбиваются в стаи, на человека они нападают, лишь когда их к этому принуждает сильный голод. Человек лежал и наблюдал за зверем, тыкал деревяшкой в его направлении и даже разговаривал с ним, удивленный тем, что волк вообще не шевелился.

- Можешь стеречь, сколько хочешь, если тебе охота, - сказал он. – Тебе не удастся добраться до моей рыбы, а остальную еду я унесу в палатку. – Зверь прикрыл глаза, но не пошевелился.

Почему, несмотря на то, что страх прошел, он не мог прогнать назойливые мысли, заворачиваясь перед сном в одеяло Компании Гудзонова залива?

Неподвижность животного была удивительной, а то, что он не убежал, было еще необычной. Никогда до этого он не слышал о животных, которые не боятся огня. Почему зверь сидел и смотрел на него, будто бы хотел что-то выразить своими страшными глазищами? Почему он сразу почувствовал его присутствие?

Серый волк, особенно одинокий серый волк, относится к боязливым созданиям, а этот не испугался ни человека, ни огня.

Сейчас, когда Хайд лежал в палатке, закутанный в одеяло, зверь сидел под звездами, рядом с догорающим костром. Ветер расчесывал его мех, земля холодеет под его лапами, а он все всматривается и всматривается. Может, так и просидит до рассвета. Это было необычно, это было жутко.

Хайд не обладал большим воображением, не был хорошо начитан, не обладал большой проницательностью – он был обычным гостиничным администратором, отправившимся порыбачить во время отпуска.

Серый волк в его понимании был серым волком, и не более того. "Однако этот серый волк – он совсем иной", - эта мысль не покидала его головы. Короче говоря, беспокойство ушло вглубь, но не исчезло. Хайд спал беспокойно, ворочался с боку на бок, снились ему неприятные вещи. Он не вставал, чтобы выглянуть из палатки. Проснулся он не отдохнувшим.

И вновь ему помогли утренний ветер и утреннее солнышко. Ночной инцидент был забыт, он казался нереальным. Охотничий азарт Хайда взял верх.

Чай и рыба были великолепны. Трубка была им под стать. Обаяние безлюдного озера пьянило. Он ловил на краю озера. Во время борьбы с очередной большой рыбой, человек почувствовал – волк вернулся. Он замер с удочкой в руке. И знал, куда нужно смотреть. Яркий восход вырисовывал каждую черточку старательно и четко – гранитные скалы, сожженные стволы, пурпурные сумахи, камешки на берегу, которые складывались в законченные изящные композиции, - не выявил место лежки волка. Он перенес взгляд

дальше, вглубь леса, и вдруг отыскал знакомый, полуожидаемый абрис. Волк лежал на гранитной скале. Была видна только его морда и глаза. Он почти сливался с фоном. Если бы Хайд не знал, что он там есть, ни за что не смог бы разглядеть зверя. Глаза волка сверкали на солнце. Волк лежал. Хайд смотрел прямо на него. Их глаза встретились.

- О, Боже! – заорал Хайд. – У него людской взгляд.

С этой минуты между человеком и зверем установилась некая связь. А то, что произошло позже, только укрепило это неожиданное чувство. Зверь поднялся и неспешно сошел на берег. Волк продолжал смотреть на человека. Стоял и смотрел ему в глаза как большая собака. Хайд почувствовал невероятное – волк с ним знакомится.

- Вот тебе и на! – выкрикнул путешественник, стараясь развеять ощущения, озвучив их. – Ничего подобного мне видеть не доводилось! Но чего ты хочешь? – Он повнимательнее присмотрелся к волку. Хайд никогда раньше не видел такого большого волка. Этот был настоящим чудовищем. Хайд подумал, что в схватке, если бы до этого дошло, волк бы был очень опасным противником. Волк стоял, совсем не тревожась. Он доверял человеку. В ярком солнечном свете его можно было хорошо рассмотреть – большой мохнатый серый волк с запавшими боками, уставившийся на человека, будто бы хотел что-то рассказать. Человек видел его мощные челюсти, клыки, висящий язык, с которого капала слюна. Трудно было поверить в коварство и дикость этого волка.

Хайд был удивлен и заинтригован. Ему захотелось, чтобы вернулся индеец. Он не мог понять странного поведения животного. Глаза волка, их удивительное выражение, подводили его к необычному, непонятному и неприятному ощущению. Может что-то с нервами не в порядке? Он был склонен это допустить.

Зверь стоял на берегу и смотрел на человека. Впервые Хайд пожалел, что не прихватил ружье. Он поднял весло и плашмя ударил по воде. Звук, похожий на пистолетный выстрел, пронесся над всем озером. Волк даже не дрогнул.

Хайд начал кричать. Волк стоял неподвижно. Человек моргнул и заговорил с волком, как с домашней собакой. Волк моргнул в ответ.

Хайд отплыл от берега и продолжил рыбачить. Его чувства и мысли переключились на другое. Временами он забывал о звере на берегу, но когда

поднимал голову, видел волка, сидящего на том же месте. И даже хуже. Когда он медленно греб в сторону лагеря, увидел что волк медленно идет по берегу, будто сопутствуя человеку. Пересекая небольшой залив, Хайд ускорился, в надежде, что доберется до берега раньше, чем его непрошенный товарищ. Зверь тоже перешел на быстрый бег, который позволял ему догнать в лесу любого.

Когда Хайд прибыл в пункт назначения, волк уже ожидал его. Человек замер с поднятым веслом. Ему не нравилась ситуация. К тому же, уже начало смеркаться. Лагерь близко, надо сходить на берег. Но он чувствовал себя не в своей тарелке даже при счете дня.

Неожиданно человек с облегчением увидел, что на полдороге к палатке зверь уселся на открытом пространстве. Рыбак немного подождал и снова погреб. Волк не двигался. Он сидел и смотрел на человека. Хайд проплыл пару сотен ярдов и обернулся. Волк сидел на прежнем месте. Человек почувствовал абсурдную уверенность, что зверь читает его мысли, его беспокойство, его страх, и демонстрировал, как мог, что у него нет враждебных намерений, и он не собирается нападать. Человек пристал к берегу и вышел из лодки. В сумерках приготовил себе завтрак. Зверя не было видно. Наверное, лежал неподалеку, но не приближался.

Хайд вдруг почувствовал необычность окружающей атмосферы. До него дошло, что его отношения с огромным волком перешли в новую фазу. Он был испуган, но свободен от ощущения угрозы, которое у него было часа четыре назад. Между человеком и волком зарождалось взаимопонимание. Рыбак понял, что мыслит о звере как о товарище. На место, где волк сидел прошлой ночью, бросил несколько рыбин. Если придет, пусть поест. У него было достаточно рыбы. Он уже думал о волке как о "ком-то". Волк не появился до тех пор, пока Хайд не забрался в палатку. Было около 10, а обычно он ложился спать в девять. Наверное, он подсознательно ждал волка. Когда закрывал полог палатки, то увидел глаза волка неподалеку от места, где оставил рыбу. Он ждал, рассчитывая услышать хруст, но тишину ничто не нарушало. Только во тьме светились глаза. Он закрыл полог. Человек не почувствовал ни малейшего страха. Через 10 минут он уже крепко спал. Это не продлилось долго. Когда турист проснулся, увидел через полотно палатки красные отсветы – костер еще не погас полностью. Он поднялся и осторожно выглянул. Было очень холодно. Человек видел пар от собственного дыхания. Увидел он и волка, сидящего у догорающих дров, не

далее как в двух ярдах от палатки. Сейчас с близкого расстояния он рассмотрел в этом диком звере что-то, что было полнейшей неожиданностью, от которой сперло дыхание. Он смотрел и не верил собственным глазам. В осанке волка было нечто, чего он долго не мог определить. Его поза наталкивала на мысль о совсем другом существе, с которым был связан. Каком? Может, его чувства подводят? Или может, он все еще спит?

Затем был момент внезапного просветления – он понял! Это была поза собаки. Найдя точку преткновения, мысли понеслись вперед с огромной скоростью. Зверь не напоминал пса, но что-то в нем было еще более знакомое. Великое небо! Фигура сидящего волка, его строение напоминало отдыхающего человека. Сделанное открытие привело к второму кому в груди человека. Волк сидел у огня как человек. Прежде чем он оценил необычность своего открытия, прежде чем сумел проанализировать, зверь почувствовал, что за ним наблюдают. Волк медленно обернулся и посмотрел в лицо человеку, и впервые во все естество Хайда проник докучливый суеверный страх. Он был поражен невыразимым ужасом, который окружает истории людей, столкнувшихся с мертвыми. Когда люди не могут сказать ни слова или пошевелиться. Хайд пережил именно такой поразительный момент. То, что это мгновение прошло, было так же жутко, как и его приход. До него что-то дошло. То, что наэлектризовало нервы, и коснулось его сердца, разбудило впечатлительность. Поворот был очень необычным, еще более необычным и неожиданным был результат. Но факт остается фактом. Человек понял, что его испуг исчез так же быстро, как и появился. Он ощутил мольбу. Молчаливую, невыразимую, но неизмеримо возвышенную. Он увидел просьбу в глазах зверя, тоску. Выражение, которое заставило его симпатизировать волку.

Большой серый зверь, символ коварства и дикости, сидел возле догорающего огня и просил о помощи. За несколько секунд пропасть, разделявшая человека и свирепого зверя, исчезла. Это было очевидное-невероятное.

Хайд не был уверен, что все эти тени и полутени, проплывающие через его душу, не порождения снов, терзающих его сознание. Но был вынужден признать факты. Он поймал себя на том, что автоматически кивнул зверю, будто соглашаясь на что-то. В ту же секунду худой серый зверь поднялся и как призрак артворился во тьме ночи.

Когда утром Хайд проснулся, поначалу он подумал, что все это ему только приснилось. В нем заговорила трезвая прозаическая натура. Свежий осенний воздух пощипывал. Яркое солнце уничтожило все полутени. Рыбак чувствовал себя бодрым телом и душой.

Анализируя вчерашнее происшествие, он пришел к выводу, что обычные спекуляции здесь не помогут. Никакая приемлемая гипотеза не объясняла поведения зверя. Он столкнулся с чем-то, что не мог объяснить, и что лежало вне пределов его опыта. Несмотря на понимание, страха не было. Осталось приятное настроение.

Зверь все это проделал с определенной целью, и человек как-то связан с этой целью. Его симпатия была обоснована. Симпатии сопутствовало неутоленное любопытство.

- Если он снова появится, - сказал он себе, - подойду вплотную и попробую понять, чего он хочет.

Рыба, которую он оставил для волка, осталась нетронутой. После завтрака прошло больше часа, прежде чем он вновь увидел зверя. Волк стоял на краю поляны и смотрел на него тем, особым способом, который Хайд уже сумел запомнить.

Человек взял топор и смело пошел к волку. Он смотрел прямо в глаза зверя. Путешественник ощущал определенное беспокойство, но сумел его скрыть. Шаг за шагом он приближался к зверю. Теперь их разделяли всего 10 ярдов.

Ни один мускул не дрогнул на теле волка – открытая пасть, глаза смотрят взволнованно. Зверь позволил приблизиться. Он не давал понять, как поведет себя в дальнейшем.

Когда их разделили те самые 10 ярдов, волк резко обернулся и пошел. Он постоянно оглядывался, совсем как собака, когда проверяет, идет ли за ней хозяин.

Это путешествие было особенным. Они сразу же вошли в густой лес, оставив озеро за спиной. Хайд отметил, что зверь выбирает самый легкий для человека путь. Он старался обходить препятствия, которые не составляли для него проблемы, но были трудны для человека. При этом зверь не терял нужного направления. Время от времени они подходили к корягам, которые волк преодолевал в пару прыжков, но он всегда ждал человека с другой

стороны. Они шли все глубже и глубже в пущу. Насколько Хайд мог сориентироваться, они шли вдоль озера – он опознал каменное ущелье на северном берегу. Он видел это ущелье из своего лагеря – оно резко шло к воде. Хайд допускал, что в нем находилось место, где индейцы проводили магические ритуалы. Место было изолированным, а верховья ущелья были укрыты и трудно доступны.

Здесь волк задержался. Он подошел к большой ели, росшей у подножья ущелья, и впервые с момента появления, дал волю чувствам. Волк сел, поднял морду и протяжно завыл. Это больше напоминало скулеж пса, чем вой диких волков.

Хайд забыл уже не только о страхе, но и об осторожности. Вой не разбудил в нем неприятных ощущений. В этом звуке он уловил тоже послание, которое выражали глаза волка – мольбу о помощи.

Он задержался, немного взволнованный, и быстро осмотрелся. Волк сидел и ждал человека.

Вокруг рос молодой перелесок. Наверное, раньше это было поляной. Деревья были вырублены или выжжены. Для опытного глаза было очевидно, что это сделали индейцы, а не белые. Приближаясь к своему терпеливому проводнику, Хайд был все больше уверен, что на этой небольшой полянке проводили магические обряды. Он чувствовал, что цель их удивительного путешествия где-то тут.

Человек сделал два шага. Волк поднялся и не спеша потрусил к зарослям. Вошел в кусты, оборачиваясь, убеждаясь, что его товарищ за ним наблюдает. Зверь скрылся в зарослях. Через минуту выглянул обратно. Волк дважды повторил эту пантомиму. Каждый раз, когда возвращался, останавливался и всматривался в человека с выражением мольбы в глазах. Было ясно, что с каждой минутой волк был все более возбужден, и также ясно, что его возбуждение передается и человеку.

Хайд быстро принял решение. Твердо держа топорик, который он был готов пустить ход при малейшем проявлении враждебности, человек медленно приблизился к зарослям, ожидая всего, чего угодно.

Если человек мог ожидать чего-то непонятного, то его ожидания исполнились сразу же – его застало врасплох поведение зверя. Волк прыгал вокруг него, как резвящийся пес. Он обезумел от радости. Зверь был в высшей степени

обрадован, но при этом не издавал ни звука. Волк влез в кусты и начал раскапывать землю.

Хайд стоял и смотрел. Удивление и любопытство вытеснили беспокойство, даже когда копающий зверь коснулся его своим телом. Ему казалось, что он в одном из фантастических снов, в которых все возможно, и ничто не вызывает удивления. Если бы не это, человек должен был бы признать, что способ, которым волк царапал и рыл землю, очень необычен. Ни один волк, ни одна собака не может так действовать лапами, как работал лапами этот зверь.

У Хайда появилось странное, обескураживающее чувство, что он видит работу не лап, но рук. Вдобавок ко всему, это не удивило его так, как должно было. Необычное в определенном смысле было натуральным. Вместо удивления в сердце человека появилась симпатия и сочувствие. Он понимал возвышенность момента.

Волк прервал работу и посмотрел в лицо человека. Хайд присоединился к нему. Позже сам пытался понять, почему именно так поступил. Он просто знал, что нужно делать. Угадывал, о чем его просят, и чего от него ожидают. Между его мозгом и зверем установилась прочная связь. Человек сделал кол, заострил его, и пошел к кустам, чтобы помочь четвероногому товарищу. Во время работы, хотя он и не забывал о непосредственной близости волка, человек не обращал на зверя внимания. Часто, занявшись выковыриванием тяжелых глыб, поворачивался к волку спиной. При этом не чувствовал и тени беспокойства либо страха.

Волк сидел у края зарослей и наблюдал за работой. Напряженное внимание, терпеливость, ласковость и покорность дикого и скорее всего голодного волка, а сверх того, выражение удовлетворения, что ему удалось отыскать человека для своей таинственной цели – все это составляло особый колорит странного образа, затем воссозданного Хайдом. Именно это он рассказывал потом многочисленным гостям отеля.

В тот момент он был только взвонован и растроган.

Вся история была слишком невероятна, но он это понял только тогда, когда рассказывал ее другим.

Копался с полчаса, прежде чем нашел небольшой белый предмет. Хайд поднял его и старательно осмотрел – кость из людского пальца. Затем последовали другие открытия, их было много. Тайник был опустошен. Это

был целый скелет. В самом конце Хайд нашел череп. Может быть, он бы его не нашел, если бы не откровенная подсказка его необычного товарища. Череп лежал в нескольких ярдах от основного раскопа.

Волк стал на это место, и стоял, пока Хайд не догадался, что надо копать и там. Нашел череп как раз между лапами волка. Он осторожно достал кости из земли, и внимательно осмотрел.

Череп был в идеальном состоянии, если не считать того, что какой-то дикий зверь добрался до него и оставил на кости следы зубов. Возле черпа лежало заржавевшее железное лезвие томагавка. Томагавк и небольшие кости убедили Хайда, что это скелет индейца.

Он собирал кости, затем осматривал их. При этом человек не обращал на волка внимания. Он просто им не занимался.

Человек знал, что волк сидит и наблюдает, не мешая ни одним движением. Он знал, что волк доволен, счастлив. Знал также, что уже в значительной мере выполнил задачу, которую хотел разрешить зверь. Все шло к финалу.

Он собрал все кости в куртку, и вместе с томагавком отнес к подножью большой ели, под которой волк остановился в первый раз. Волк потерся мордой о его ногу. Зверь стоял и наблюдал за человеком, но не двигался с места. Ни один мускул у волка не дрогнул, пока Хайд приготовил ворох веток, на котором разложил кости индейца. Без сомнения, индейца убили неожиданно, может из засады. Останки не были погребены по обычаям племени.

Он обложил кости корой, положил лезвие томагавка возле черепа, затем поджог ветки с разных сторон. Голубой дымок поднялся в чистое утреннее небо канадской осени, а затем исчезла между деревьями.

Перед тем, как разжечь огонь, Хайд обернулся, чтобы посмотреть, что делает его товарищ. Волк сидел позади него, ярдах в пяти. Он всматривался в человека с волнением, одна лапа была немного поднята над землей. Он не подавал никаких знаков.

Хайд закончил свою работу, и так ей увлекся, что кроме присмотра за огнем не видел ничего. Когда ветки не выдержали тяжести, и сломались, рассыпаясь угольками по траве, он обернулся, чтобы взглянуть на волка, и, быть может,

увидеть в его удивительных глазах одобрение. Но место, на которое он смотрел, пустовало. Волк ушел.

Хайд его больше не увидел. Не нашел следов его присутствия. Больше за ним никто не наблюдал.

Он снова рыбачил, гулял по лесу вокруг лагеря. Когда сгущались сумерки, сидел с трубкой возле костра. Ночью он спокойно спал в своей небольшой палатке. Никто его не беспокоил. Никакого воя на пустоши, никакого треска ветвей, никаких крадущихся шагов, никаких глаз. Волк, который вел себя как человек, исчез навсегда.

За день до отъезда Хайд увидел дым на противоположной стороне озера, и поплыл туда, чтобы перекинуться несколькими словами с индейцем, который, наверное, вернулся из поездки. Индеец вышел на берег, чтобы его поприветствовать. Но вскоре выяснилось, что английского он почти не знает. Поначалу он издавал только непонятные звуки, но постепенно Хайду удалось расшевелить собеседника, и им удалось поговорить. Конечный результат был невелик, зато значим.

- Твой лагерь там? – спросил индеец, указывая на противоположный берег.

- Да.

- Волк приходил?

- Да.

- Ты видишь волка?

- Да.

Индеец впился в него глазами. На его лице появилось выражение изумления.

- Ты боялся волка? – спросил он.

- Нет, - правдиво ответил Хайд. Хотя ему хотелось узнать побольше, он не стал задавать вопросов. Его собеседник тоже молчал.

Хайд почему то решил, что лучше будет самому отвечать на вопросы, ничего не спрашивая в ответ. И вдруг индеец разговорился. В его жестах и голосе ощущался испуг.

- Он не волк. Он великий заколдованный волк. Он волк-дух.

Затем он выпил чаю, который заварил Хайд, и больше ничего не сказал. Позже Хайд видел его фигуру с другого конца озера, когда плыл на лодке, а затем грузил в нее свои вещи.

Затем Мортон дополнил его знания, рассказав легенду. Несколько сот лет тому назад племя, жившее на берегах озера, проводило свои магические обряды в каменном ущелье у северной оконечности озера. Но магия не действовала. Главный шаман пояснил, что духам что-то не нравится. Они обиделись.

Индейцы пытались разобраться, почему. Оказалось, что молодой смельчак убил волка, нарушив табу, потому что волк был тотемным зверем племени. Дело усугублялось тем, что убийца носил имя Бегущий Волк. Преступление было тяжким, преступник был проклят и изгнан из племени.

- Уходи и живи сам в лесу. Если мы тебя встретим, то уьем. Твои кости останутся в пуще не погребенными и твой дух не попадет в Страну счастливой охоты, пока какой-то чужак не найдет их и не похоронит согласно правилам.

- Это означало, - добавил Мортон свой лаконичный комментарий к этой истории – практически никогда.

RUNNING WOLF—ALGERNON BLACKWOOD

CENTURY

MIDSUMMER
FICTION
NUMBER

AUGUST · 1920

